
Наука в диалоге

МОДЕЛИ Я: ПОТЕНЦИАЛ РАЗВИТИЯ И УКРЕПЛЕНИЯ Я-СУБЪЕКТНОСТИ

В.А. ПЕТРОВСКИЙ^а, Е.Б. СТАРОВОЙТЕНКО^а

*^а Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 101000, Россия,
Москва, ул. Мясницкая, д. 20*

Models of the Self: The Potential for Developing and Enhancing of Subjectness of Self

V.A. Petrovsky^a, E.B. Starovoytenko^a

^а HSE University, 20 Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation

Резюме

В статье представлен уникальный опыт диалога двух исследователей, состоящий в творческом синтезе их авторских идей о Я-субъектности и способах ее укрепления. Диалогичность взаимодействия ученых выражается здесь не в научной полемике, а в «сборке», соединении авторами своих концепций, относящихся к общему предмету и освещающих его с глубиной, недоступной вне диалога. Проблемы, решаемые авторами, заключаются, во-первых, в новом осмыслении ими своих разработок, во-вторых, в развитии научной теории Я личности, в-третьих, в обосновании возможности достижения «творческой совместности» или «креатив-партнерства» в теоретических исследованиях, в-четвертых, в раскрытии значения научного диалога в психологии личности как искусства согласования взглядов исследователей в интересах познания человека.

Abstract

The paper presents a distinctive experience of dialogue between two researchers that is comprised of the creative synthesis of their original concepts of Subjectness of Self and ways of enhancing it. Here, the dialogical interaction of scientists is manifested not in academic controversy, but in “integrating”, or connecting, the researchers’ concepts related to a common study object and providing profound insight into this object that is unattainable outside of dialogue. The problems solved by the researchers are associated, firstly, with a new reflection on their relevant research; secondly, with the development of the scientific theory of the Self of Personality; thirdly, with substantiating the possibility of achieving “creative consistency”, or “creative partnership” in theoretical research; and, fourthly, with demonstrating the significance of scientific dialogue in psychology of personality as the art of aligning researchers’ standpoints for the

Целью и оригинальным результатом диалогической интеграции идей авторов стало углубление и расширение знаний о структуре Я-субъекта, о свойствах Я, определяющих его субъектность, о Я-неизвестном и активном отношении личности к нему, о самоощущении Я и путях его достижения, о самопричинности Я и приемах ее эмпирического изучения. Методами поиска, оперирования, репрезентации знания о Я и его субъектности выступили метод концептуального анализа и синтеза, метод герменевтики, рефлексивный и феноменологический методы. Диалог ведется в пространстве общей персонологии — направления изучения личности, основанного авторами. Оно предполагает единство культурно-герменевтического, теоретико-эмпирического, практического и ориентированного на самополагание подходов в исследованиях, консультировании и психотерапии личности. В итоге диалога получает развитие новая научная область — персонология Я. В тексте звучат голоса не только авторов, но и всех тех, кто явился вдохновителем их взглядов и идей.

Ключевые слова: общая персонология, диалог ученых, Я, субъектность, структура Я, ипостаси Я, свойства Я, Я-неизвестное, самопричинность Я, самоощущение Я, укрепление Я-субъектности.

Петровский Вадим Артурович — профессор Центра фундаментальной и консультативной персонологии, департамент психологии, факультет социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», доктор психологических наук.

Сфера научных интересов: история, теория и методология психологии, психология личности, персонология, консультативная психология.

Контакты: petrowskiy@mail.ru

Старовойтенко Елена Борисовна — профессор, руководитель Центра фундаментальной и консультативной персонологии, департамент психологии, факультет социальных наук, Национальный исследова-

benefit of human cognition. The purpose and original result of the dialogical integration of the presented concepts was deeper and more expanded knowledge about the structure of Self the Subject, about the properties of the Self that determine its subjectness, about the Unknown Self and the active attitude of the personality towards it, about self-identity of the Self and ways to achieve it, and about the self-causality of the Self and methods of its empirical research. The method of conceptual analysis and synthesis, the method of hermeneutics, and reflexive and phenomenological methods were applied for searching, operating and revealing knowledge about the Self and its subjectness. The dialogue was within the space of general personology, a trend in the study of personality that was founded by the researchers. It presupposes the unity of cultural-hermeneutic, theoretical-empirical, practical and self-positing approaches in research, counseling and psychotherapy of personality. The dialogue has resulted in the development of a new field of science, personology of Self. The paper contains the voices of both the authors and all those who have inspired their views and ideas.

Keywords: general personology, dialogue of scientists, Self, subjectness, structure of Self, hypostases of Self, properties of Self, unknown Self, self-causality of Self, self-identity of Self, enhancing Subjectness of Self.

Vadim A. Petrovsky — Professor, Center for Fundamental and Consultative Personology, School of Psychology, Faculty of Social Sciences, HSE University, DSc in Psychology. Research Area: history, theory and methods of psychology, psychology of personality, personology, counseling psychology.
E-mail: petrowskiy@mail.ru

Elena B. Starovoytenko — Professor, Head of the Centre for Fundamental and Consulting Personology, School of Psychology, Faculty of Social Sciences, HSE University, DSc in Psychology.

тельский университет «Высшая школа экономики», доктор психологических наук, профессор. Сфера научных интересов: методология психологии, теоретическая психология личности, персонология, психология жизненных отношений личности, культурная психология личности, психология рефлексии. Контакты: heleststaOS@yandex.ru

Research Area: methodology of psychology, theoretical psychology of personality, personology, psychology of life relationships of personality, cultural personality psychology, psychology of reflection. E-mail: heleststaOS@yandex.ru

Предисловие

В современном научном познании набирают силу интеграционные процессы, состоящие в объединении наук, синтезе теорий, сближении различных методов, взаимодополнении авторских идей и взглядов ученых. В психологической науке назрела необходимость полноценных диалогов между исследователями, чьи работы выполняются в едином ключе, но публикуются обычно в разных изданиях, в различные времена и имеют скорее монологический, чем творческо-совместный характер. Диалогичность при этом может выражаться не столько в научной полемике, сколько в дискуссии как сотворчестве, как «сборке», соединении авторами своих концепций, относящихся к общему предмету и освещающих его с новых сторон, недоступных вне диалога.

Вниманию читателя предлагается опыт диалогической интеграции разработок В.А. Петровского и Е.Б. Старовойтенко, развивающих идею субъектности Я¹ и достигающих согласования своих взглядов в целях углубления и расширения теории Я. Диалог ведется в пространстве общей персонологии — направления в психологии личности, основанного авторами. Оно предполагает единство культурно-герменевтического, теоретико-эмпирического, практического и ориентированного на самополагание подходов в исследованиях, консультировании и психотерапии личности. Статья творчески объединяет материалы ранее опубликованных работ авторов, посвященных построению структурных моделей Я-субъекта, различению и синтезу свойств Я, определяющих его субъектность, созданию концепции Я-неизвестного, изучению самоощущения Я и условий его достижения, онтологии и феноменологии самопричинности Я. В результате диалога развивается формат новой научной области — персонологии Я.

Часть 1. Модели Я-субъекта в персонологии

Я-субъектность в контексте данной работы рассматривается как сущность Я личности, одно из базовых свойств Я, основание *causa sui*, или «самопричинности» Я, способность Я активно и творчески осуществлять жизнедеятельность,

¹ В диалоге авторы обращаются к своим выполненным независимо друг от друга, но тесно соприкасающимся по своей тематике монографиям, приведенным в списке литературы, и статьям, опубликованным с 2003 по 2020 г.

отражение возможностей Я во внешнем и внутреннем мирах Другого, отношение Я к себе, а также авторские вклады Я в различные миры человеческого бытия: природный, культурный, социальный (см. рисунок 1). Индивидуальная Я-субъектность выступает неотъемлемой частью Всеобщего Я, придающего личности моменты бесконечности и вневременности.

Как обладателю субъектности в отношениях к жизни, другим людям, себе самому, Я индивида присуща, на наш взгляд, определенная *структура*, реализующаяся в процессах его взаимодействия с миром. Развитие, сохранение и укрепление субъектности эффективно осуществляется в *отношении Я к себе* (самоотношении), где совпадают субъект и объект активности и таким образом происходит усиление Я.

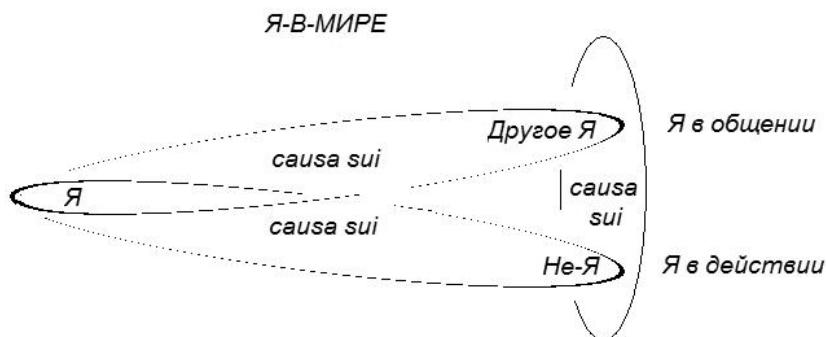
В персонологических исследованиях (В.А. Петровский, Е.Б. Старовойтенко) был разработан ряд *моделей структуры Я-субъекта*, указывающих на происхождение субъектности личности и на основные направления ее укрепления, связанные с развитием самоотношения и самотождества Я. Элементами структуры выступили *ипостаси* и *свойства* Я, выраженность, единство, «единомножие» которых определялись в качестве условий наращивания Я-субъектности.

В ходе моделирования для различения ипостасей Я были выделены несколько содержательных *оснований* (Е.В. Старовойтенко):

- 1) единство субъектности и объектности Я в самообозначении (Я — субъект и объект именованя, называния «себя», формирования понятия и смысла Я);
- 2) единство субъектности и объектности Я в отношении к себе (Я — субъект и объект для себя);
- 3) единство Я-субъекта с собой как основа своего самотождества (Я — субъект достижения самотождества);
- 4) проблемность самотождества Я-субъекта в аспекте неизвестности Я-объекта (Я — субъект открытия и преодоления незнания себя);
- 5) единство Я-субъекта с проявлениями и отражениями собственной субъектности (Я — причина себя).

Рисунок 1

Я-субъектность в составе личности (В.А. Петровский)

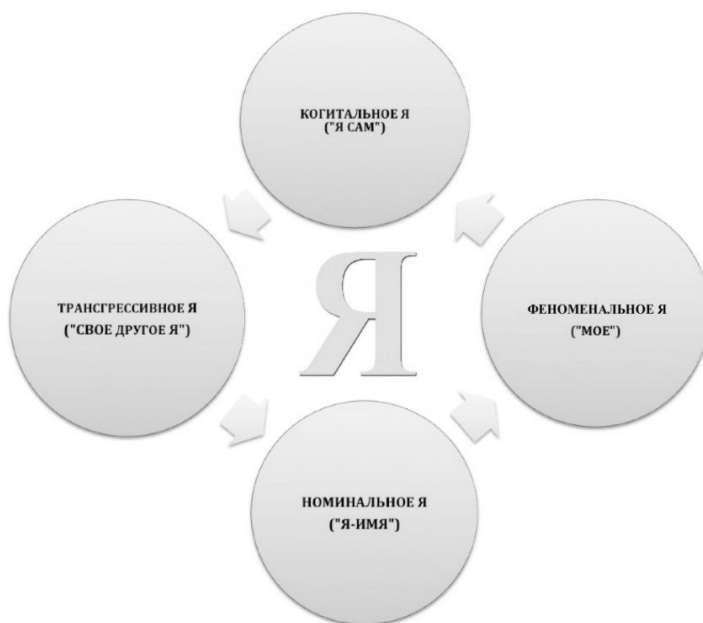
Модель Я как знакового образования: семиотика Я
(Петровский, 2013, 2014)

Не только обыденное, но и профессиональное сознание философов и психологов нередко приписывает нашему Я статус данности, от века присущей человеческой психике. Таковы идеи существования «трансцендентального Я» (И. Кант), «принадлежности субъекту (“нам”) как первой характерной особенности всего психического» (С. Л. Рубинштейн), «роста личности изнутри» (К. Роджерс) и т.д. и т.п. Свидетельства поэтического сознания — о том же: «Не надо мне числа: я был, и есмь, и буду...» (А. Тарковский). И тем не менее мы принимаем за точку отсчета то, что Я — артефакт, «знаковое образование», неотделимое от языка культуры, присутствующее в слове, присваиваемое и используемое из поколения в поколение носителями языка. С учетом специфики Я мы используем идею «знаковости» в более широком плане, чем общепринятый, говоря о «знаковых образованиях» вообще, включающих в себя знаки, но знаками не всегда являющихся (В.А. Петровский). Я — особое, «искусственно-естественное» (в терминах Л. С. Выготского) знаковое образование, разумное в своей основе и, следовательно, реализуемое.

Здесь мы рассмотрим несколько преемственных *ипостасей Я-знакового, образующих в целом круг порождения Ноуменального (т.е. истинно существующего) Я*. На рисунке 2 эти четыре ипостаси, образующие контур большого круга, соответствуют малым кругам — «знакам себя» (кружок внизу «Я-имя»); «знаки-индексы»

Рисунок 2

Круг порождения Ноуменального Я

(«Мое»); «иконические знаки» («Я сам»); «внезнаковое» («Свое другое Я»). Большой круг является «знаком иного, чем знак», *символизируя* Ноуменальное (истинно сущее) Я, которое обозначено в виде большой буквы «Я» в его центре.

В основе каждой из этих ипостасей — особые знаковые образования: *знаки себя, знаки-признаки («знаки-индексы»), знаки знаков («иконические знаки» себя, ординарные знаки), знаки иного, чем знак (символы), внезнаковое*. Каждое из указанных знаковых образований рассматривается нами в процессе мысленной реконструкции преемственных ипостасей порождения и существования Я.

1. Я-имя является базовой ипостасью Я. С нее начинается и ею увенчивается становление Ноуменального Я. Все ипостаси Я, начиная с *Я-имени*, основаны на *ощущениях*.

Важно подчеркнуть: ощущения первоначально (а многие и пожизненно) существуют до и независимо от Я — это **ничьи** ощущения. Ведь только при этом условии можно мыслить Я как сотканное из ощущений, основанное на них. Из этих ничьих ощущений может рождаться «не-Я», а также «Я другого», диалоги «Мое Я — Мое Ты», сложные отношения, к примеру, пушкинское: «Я ей не он»². Развивая семиотику Я, мы вводим понятие **соощущения ощущений** (например: «контраст», «больше — меньше», «над — под», «впереди», «вместе», «сходство», «различие» и т.д. и т.п.). Соощущение двух или большего числа ощущений образует новое ощущение, не сводимое к своим образующим, подобно тому, как свойства химического соединения не сводятся к свойствам образующих его элементов. В сфере соощущений могут быть выделены *чувства* («сгустки» единовременных разнородных ощущений) и *переживания* (соощущение слитности ощущений в различимые моменты времени); выделяем также пространственные («конфигурации») и темпоральные («длительность») соощущения. Отталкиваясь от этой категории, можно определить **субъективность** как таковую: это — *соощущение всех ощущений, сопричастных друг другу*.

Существует ли общее чувство, роднящее *я, ты, он(а)* и другие переживания того же рода (в лингвистике их называют «дейксисы» — знаки места)? Отвечая на этот вопрос, мы говорим: «Да, существует!», и говорим о нем: «*Я-имя*», или *Номинальное Я*. Я-имя обозначает соощущение тождества позиций *адресант* (т.е. говорящий = источник сообщения, тот, от кого поступает сообщение), *адресат* (т.е. слушающий = получатель сообщения, тот, к кому обращено сообщение) и, наконец, *объект коммуникации* (потенциальный участник коммуникации, тот, о ком это сообщение). Присутствуя в каждом и как бы «между» индивидуумами, такое Я повсеместно.

Я-имя, по-видимому, и есть то самое искомое «центральное Я», которое веками будоражило умы философов со времен Юма; его «маленький человечек»-наблюдатель в голове навлек на голову мыслителей неразрешимую проблему

² «Печален ты: признайся, что с тобой. / — Люблю, мой друг! — Но кто ж тебя пленила? / — Она. — Да кто ж? Глицера ль, Хлоя, Лиля? / — О, нет! — Кому ж ты жертвуешь душой? / — Ах! ей! — Ты скромн, друг сердечный! / Но почему ж ты столько огорчен? / И кто виной? Супруг, отец, конечно... / — Не то, мой друг! — Но что ж? — Я ей не он» (А.С. Пушкин. «Она»).

«человечков» второго, третьего и т.д. порядков, наблюдающих за наблюдателем. Однако если сравнивать «центральное Я» с чем-нибудь, то это скорее навигатор, показывающий, где пребывает он сам, т.е. где находится источник сигналов, который может быть «запеленгован» другими индивидами и таким образом «рассекречен» ими.

2. Феноменальное Я (синонимический ряд: *Мое, Мой жизненный мир; Я-идентичность; Территория Я; «со мной» = «при мне» = «у меня»*) — соощущение всех ощущений, соотносенных с *Я-именем* (всех сопричастных ему ощущений — проприоцептивных, интероцептивных и экстероцептивных, а также образов, интенций, побуждений, смыслов, настроений, состояний и т.п.), сливающихся в общее переживание *присутствия* в мире.

Может показаться странным, но это, подчеркиваем, именно так: первое — «личное» — Я представляет собой союз *ничьих* ощущений и *безличного* местоимения первого лица.

3. Когитальное Я — это *Феноменальное Я* в *саморефлексии* (на языке обыденной речи — «Я сам»), которое представлено *единомножием* четырех форм (см. рисунок 3):

- *самопереживание*, или *Экзистенциальное Я* (имеется в виду ощущение непрерывности и преемственности Я во времени);
- *самосозерцание себя*; среди слов, позволяющих обозначить данную форму Я, мы отдаем предпочтение термину *Эйдетическое Я*, поскольку речь идет об «эйдосах» — идеях, выражающих суть вещи (это могут быть как образы, так и прообразы вещей);
- *самовоспроизводство себя*; данная форма Я обозначается нами как *Деятельное Я*, поскольку речь тут идет о процессах самодействия Я (самополагания, самоконструирования);
- *самотрансценденция*; в этом случае мы говорим *Самоценное Я*; имеется в виду устремленность Я за пределы себя, тенденция к выходу за границы того наличного, что составляет смысл его бытия в мире: «я есть для себя» и «я есть,

Рисунок 3

Четыре формы Когитального Я (Я сам)

для (продлевая) себя» здесь означает одно — быть, следовательно, продолжаться (как если бы «для» было от слова «длиться», распространяясь за пределы того, что есть).

Все ли образующие *Феноменального Я (Мое)* рефлексированы, превращаясь в *Я сам*? Ответ очевиден: не все. Если принять эту посылку, то логично было бы выделить также формы *дорефлексивного* («предсознательного», «потаенного») *Я сам*: *Упускаемое Я, Сокровенное Я, Дремлющее Я, Витальное Я*. Все они могут быть отнесены к категории «Я-неизвестное» (в терминах Е. Б. Старовойтенко).

Упомянем варианты соощущений, образующих более сложные формы «Я сам»:

- *самопереживание* и *самосозерцание*; «в норме» они соощуаемы, рефлексировываясь как «*собственный взгляд на себя*», «*точка зрения, с которой я вижу себя*»; в случае, если переживание себя и созерцание себя не выступают в единстве друг с другом, если они не образуют общего ощущения, то возникает чувство «я не вижу себя», «я себя потерял», «что со мной?», или «я не могу выразить то, что в действительности чувствую»; это значит, что в данном отношении *Я-когито* не состоялось;

- *самопереживание* и *самовоспроизводство*; в своей совместности они рефлексировываются как *аутентичность*;

- *самопереживание* и *самотрансценденция*; их со-бытие рефлексировывается как *достижение себя* (Е.Б. Старовойтенко);

- *самосозерцание* и *самовоспроизводство*; их совместность рефлексировывается как *следование себе* («На том стою...» (М. Лютер); «И нужно не единой долькой / Не отступаться от лица...» (Б. Пастернак));

- *самосозерцание* и *самотрансценденция*; их со-бытие рефлексировывается как *интуиция себя* (в философских текстах мы встречаемся также с «проектом себя», «наброском себя»);

- *самотрансценденция* и *самовоспроизводство*; совместность их бытия рефлексировывается как *самоактуализация* (сокровенные смыслы и возможности себя обнаруживаются вовне).

Многообразные формы саморефлексии *Феноменального Я*, образующие *Когитальное Я*, мозаично представлены в культуре россыпью символов. По словам В. П. Зинченко, «Мы часто встречаем выражения, свидетельствующие если и не об отсутствии, то о размытости границ между познанием, чувством и волей: *логика сердца; действие и страсть — одно; чувствующий ум; холодный рассудок; умное делание; единство аффекта и интеллекта; умные эмоции; эмоциональный интеллект; идея, становящаяся аффектом; проведение ума в сердце; союз ума и фурий (рождающий ублюдков); живописное соображение; разумный глаз; глазастый разум; визуальное мышление; зрячих пальцев стыд; от действия к мысли; ручные понятия; память — ищущий себя интеллект; живое движение — ищущий себя смысл; духовная жажда; голодный ум* и т.п. Подобные речевые миксты должны были бы заставить усомниться в существовании чистых культур, но как схватить целое, если пренебрегали душой и расчленили сознание на элементы?» (Зинченко, 2014, с. 73–74).

Вопрос и в самом деле заключается в том, чтобы «схватить целое» — *душу*. При всем многообразии форм Когитального Я есть в них нечто, ощущаемое как общность их всех. Оно равным образом представлено в каждой, но вместе с тем не тождественно ни одной. Это «чистое Я».

Чистое Я выступает в процедурах *разотождествления*:

- У меня есть тело, но Я — *это не мое тело*. Мое тело может быть больным или здоровым, усталым или бодрым, но это не мое истинное Я...

- У меня есть эмоции, но Я — *это не мои эмоции*. Мои эмоции многочисленны, изменчивы, противоречивы. Однако я всегда остаюсь собой, своим Я, радуюсь или горюю, спокоен или взволнован, надеюсь на что-то или отчаиваюсь. Поскольку я могу наблюдать, понимать и оценивать свои эмоции и, более того, управлять ими, использовать их, то очевидно, что они не есть мое Я...

- У меня есть интеллект, но я — *это не мой интеллект*. Он достаточно развит и активен. Он является инструментом для познания окружающего и моего внутреннего мира, но он — это не Я.

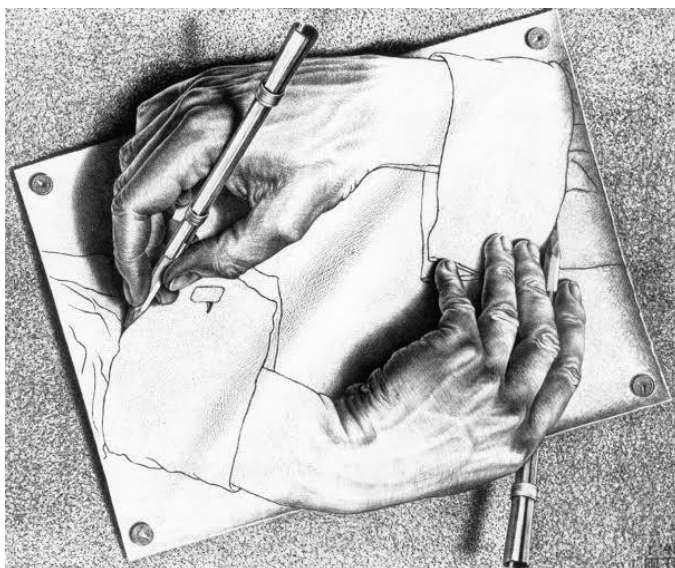
- Я — центр чистого самосознания. Я — центр воли, способный владеть и управлять моим физическим телом, эмоциями, интеллектом и всеми моими психическими процессами.

Итак, мы приходим к завершающей форме восхождения к Ноуменальному Я. Она создается цепочкой слов, движением образов, чувством *вот только что*, но все эти слова, образы, чувства как «часть» рефлексии в ней же и сходят на нет (см. рисунок 4).

Правомерен вопрос: куда «испаряется» Я по мере становления «чистого Я» в рефлексии?

Рисунок 4

М.К. Эшер, Рисующие руки, 1940. Предлагаем название: «Держите себя в руках!»

4. Трансгрессивное Я (*свое другое Я, Я по ту сторону Я, Я-незнаемое*). Появление этого нового Я связано с переходом через невидимую черту, отделяющую рефлексивные формы Я от пострефлексивных. За этой чертой, мы чувствуем, есть «что-то такое», о чем сами не знаем, хотя оно и создается нами: новое Я, *предлежащее* будущему постижению³. Данная ипостась Я нуждается в имени, заключающем в себе «незнаемость» того, что случится (при переходе через черту). Одно из таких имен — «трансгрессия», означающее пересечение границ, выход за пределы, перемещение «по ту сторону» чего-либо.

В самый момент появления *Трансгрессивного Я* мы не можем сказать о нем: «Это — я». Необходимо выйти за границы *Я сам*, покинуть территорию саморефлексии, чтобы после увидеть *себя иного* (нового). Чтобы *потом* сказать «Я», необходимо *сначала* поставить себя на место этого иного, этого *некто* («он», «она»), сказав о нем: «*Некто* есть именно *ты*, твое *Я*». Таким образом, круг ипостасей знакового Я замыкается, и мы приходим к исходной ипостаси Я, перед нами вновь «*Я-имя*», объединяющее в себе «он (она)», «ты», «я» (и другие персональные дейксисы). Отталкиваясь от *Я-номена*, мы возвращаемся к нему же: круг ипостасей знакового Я замыкается.

5. Ноуменальное Я (*Я-действительное*); то, что существует «по ту сторону» знака, но рождается при его непосредственном участии. Сам этот круг (см. рисунок 2) есть символ, обращающий нас к некоему (не видимому на рисунке) обозначаемому.

Обобщив сказанное, сделаем вывод: **Я** есть динамика взаимопереходов *ноуменальной, феноменальной, когитальной и трансгрессивной* образующих Я. Рисунок четырех ипостасей Я и объединяющей их пятой символизирует самодвижение знака «Я» в его становлении «*идеей Я*», самореализующимся представлением о Я. Так рождается собственно **Я** — реальное, «всамделишное», участное в бытии.

Модель Я как единства субъекта и объекта для себя
(*Старовойтенко, 2015, 2023*)

Я как реальность обладает ипостасями, указывающими ему на собственное единство как субъекта и объекта для самого себя. Субъектность Я выступает источником активности в обращении Я с собой, в отношении к себе как объекту и способом самообновления при изменении Я-объекта. «Я» в качестве объекта для себя «погружено» во внешний мир, наполнено миром, испытывает его воздействия и отвечает собственной активностью. Объектом для Я-субъекта может быть и Я, определяющееся во внутреннем мире личности, преобразующее его. Субъектность Я развивается и укрепляется благодаря единству множества **ипостасей Я**, обеспечивающих разносторонность Я-бытия во внешнем и внутреннем мирах.

³ А ргoгoс, вoт фрaгмeнт сoвмeстных рaзмышлeний: «Есть ли что-то такое, что все люди на планете делают одновременно?» (Е.Б. Старовойтенко). — «Есть! Они не ведают, что творят» (В.А. Петровский).

Я-глубинное. Я изначально существует как неозначенное, невербальное, дорефлексивное Эго, смутно улавливаемое интуитивным сознанием личности. Наш Я-субъект не исчерпывается активностью сознания, и не только осознанность Я-бытия вызывает его существование и самоотражение. Я внесознательно дается себе как бывшее перед сознанием и обладающее – по выражению Ж.-П. Сартра – «глубинами, которые должны раскрываться постепенно».

Я-означенное. «Я» выступает для самого себя знаком собственной личности, средством обозначения чувственного телесно-психического Эго и самообозначения Я как центра сознания. Знак «Я» является культурным даром, «странствующим вакантным термином» (П. Рикер), который при его использовании делает возможным существование «для себя» как осознанного присутствия Я по отношению к себе. «Я» является словом, употребляемым личностью в адрес неповторимого «себя» только однажды, здесь-и-сейчас, в единственный момент жизни. «Я» – это имя индивидуальности, живущей, познающей и называющей себя в необратимом континууме уникальных жизненных ситуаций. «Я» – вербальный символ сродства Я личности с бесчисленным множеством других Я и принадлежности к Всеобщему Я как единой причины и сущности каждого Я-бытия.

Я-телесное. Я в отношении к себе открывает себя как собственное тело, которое познается, переживается и означивается под влиянием субъективной внутренней чувственности и витальности, а также впечатлений субъекта о теле других, под их взглядами и под воздействием их непосредственных откликов на ее телесность. Кроме того, в переживание и осознание Я-субъектом своего Я-телесного, или, по выражению М.М. Бахтина, «внешнего самого глубокого внутреннего», включены те культурные образы, которые передаются личности другими людьми в виде изображений и текстов, напоминающих или отражающих ее облик.

Я-рефлексивное. Я является источником и субъектом мысли, принадлежащей ему самому, несущей знание о его телесности и душевном мире, отчуждающей его от себя самого, разотождествляющей Я с собой, обнаруживающей и преодолевающей незнание и порождающей новое знание о себе, возвращенной себе самому, то есть, субъектом рефлексии. Посредством рефлексии Я-субъект, который «теряется вне себя», стремится «интериоризироваться в себя самого».

Я-деятельное. Я в своих связях и отношениях с миром выступает субъектом осознанной и сознательно регулируемой деятельности, направленной на преобразования в своей внешней и внутренней жизни. Я может быть вовлечено в любой момент реализуемой деятельности посредством активных состояний: «я действую», «я могу», «я хочу», «я знаю», «я имею цель», «я достигаю», «я узнаю новое о себе». Я как субъект и объект деятельности встречаются в актах возвращения Я-субъекту новых аспектов Я, порожденных совершенным продуктивным действием, и их закрепления в форме свойств Я-деятеля.

Я-коллективное. Взаимодействуя с другими Я и отражая их в себе, иницируя свое присутствие и активность в их мирах, Я-субъект выступает «коллективным Я». Частью оно доступно для рефлексии, а частью «просвечивает» в других как Я-неизвестное; преломляет влияния близких и дальних других;

ловит взгляды других, исходящие от культуры, и впечатления о распространении своего бытия в окружении. Переживая свое «рассеяние» во множестве других, Я стремится собрать «самого себя» как центр «персональной социальности», укрепляя свою субъектность или претерпевая поражение при встрече с непроходимыми местами в таинственных пространствах чужой жизни.

Я-идеальное для себя. В рефлексивном «кругообороте Самости» Я может стать идеалом совпадения с собой, исполненности себя, непрерывности себя, осуществив все возможности, которые открываются «для себя» в ситуациях встреч со своими значимостями. Новые возможности и ожидаемые эффекты их реализации осознаются Я-субъектом как перспектива собственного расширения и усиления во всестороннем и целостном участии в отношениях с «собой» и другими значимыми объектами. Идеальной границей Я является субъектный эффект, который обозначается нами как «достижение себя».

Я-диалогичное. Богатейшим миром, где Я может открыть себя и центрировать свои возможности, является Другой как конкретная, значимая личность, к которой Я встает в отношение и с которой состоит во внешнем и внутреннем диалоге. Другой с его взглядом, пониманием, переживанием и действием необходим Я в плане проживания и осознания своей фактичности и своей свободы в контексте совместного бытия. Динамичное «для себя» личности, или ее Я-объект, вовлекается в жизнь Другого, вовлекает его в свою жизнь, предстает Другому в самосознании и становится его собственным «для себя». Другой создает и позволяет личности рефлексивно открыть и понять диалогичную структуру ее Я. Другой – это другое Я для Я-субъекта, так же как Я-субъект – это другое Я для Другого. Оба Я в пространстве «вне себя» диалогично взаимодействуют, входят в структуры друг друга, утверждают реальность друг друга, раздвигают границы своих «Я могу», своей рефлексии, субъектности и влекущей взаимной «объектности» (С.Л. Рубинштейн). Находясь в необходимой зависимости, Я и Другой не растворяются друг в друге; свобода одного не является исходным условием свободы другого. Во взаимных отношениях, в диалоге и обмене возможностями каждый дарит другому новое свободное бытие, определяя его и становясь его частью. Я, встав в отношение к себе как соединенному в бытии с Другим, устанавливает с ним связь на уровнях рассматривающего взгляда, внешнего взаимодействия, взаимного отражения, внутреннего соприсутствия, рефлексивного раскрытия и обобщения своего «бытия в Другом» («инобытия» Я, «отраженной субъектности» Я (В.А. Петровский)), «бытия Другого в себе», своего «бытия в себе» и «бытия вне себя и Другого». Участвуя в этой «зеркальной игре», Я наращивает потенциал своей субъектности, рефлексии и позитивных межличностных влияний.

*Модель Я как субъекта достижения самотождества
(Старовойтенко, 2015, 2023)*

В структуре Я-субъекта выделяются ипостаси, которые в единстве конституируют его потенциал достижения самотождества (Г. Марсель, М.М. Бахтин, П. Рикёр, М.К. Мамардашвили). **Самотождество** – такое состояние Я, которое

выявляет полноту совпадения Я-субъекта и Я-объекта, вскрывает богатство потенциала Я-объекта для усиления Я-субъекта, предполагает осознание Я постоянства «себя» во времени, расширяет возможности Я-субъекта быть причиной себя и быть самим собой, обеспечивает постоянство его самоатрибуции, поддерживает «необходимость Другого» для самоподтверждения своего бытия, выражается в непрерывности инициирования и интеграции самовыражения Я в центральной точке «Я-сам». К **ипостасям**, в единстве которых Я достигает самотождества, относятся следующие:

1) Я-эмпирическое, или Я реальное, телесное, действующее, аутентично выражающее себя в мире. Это Я как устойчивое самопереживание и самоосознание в контексте текущей жизни, в ее пространстве и времени, как способность к жизнедеятельности в качестве единого, «верного самому себе» субъекта, имеющего границы, пролегающие, согласно М.М. Бахтину, по поверхности собственного «внешнего тела». Это Я, «возвращающееся к себе» с новым опытом продуктивной самореализации в мире, поддерживающим его целостность и самоценность.

2) Я-как-Другой, осознаваемый в нескольких значениях: как Я, подобное всем другим Я; Я, выступающее «другим Я» для всех иных Я; Я, отразившее Я другого человека и имеющее его как часть собственного внутреннего мира; Я, открывшее свою собственную «другость» в сравнении с самим собой; Я, отождествившееся с другим Я и осознанно полагающее его идеалом для себя; Я, достигающее уникального самотождества посредством множества Я других людей.

3) Я-как-Я-сам, или субъект, отделивший себя в движении жизни и самоосознании от Другого и от других; устанавливающий и устраняющий дистанцию между собой и Я-объектом. Это Я, преодолевающее свою «объектность» для других и для себя; Я единственное, автономное, творческое.

4) Я-Абсолютное, или Я надличностное, бессубъектное, невербальное, не столько познаваемое, сколько постигаемое. Это критерий безусловности, очевидности наших состояний, ядро и опора высшего самотождества, неизъяснимое мыслью измерение вечной жизни, интуиция «себя» как абсолютного существа.

Телесность-другость-самость-абсолютность Я указывают на те «слои» жизни личности, где устанавливается, теряет устойчивость, испытывает изменения и развивается его самотождество. В этих слоях Я находится в состояниях «достигнутого», «актуального» и «возможного», а также Я-известного и Я-неизвестного для самого себя. Становление самотождества предполагает нахождение и удержание, гибкие изменения и восстановление единства между этими состояниями, присущими всем ипостасям Я.

*Модель Я как субъекта и объекта незнания себя
(Старовойтенко, 2015, 2023)*

Я-неизвестное — знание Я о незнании самого себя в различных ипостасях. Незнаемое Я рефлексивно обнаруживается личностью и принимается ею как возможный фокус самопознания. Я-неизвестное — это «еще не найденное Я»,

а также Я, еще не вошедшее ни в один из осознаваемых потоков жизни, ни в одно из жизненных отношений, не ставшее смысловым фокусом самоотношения, не влившееся в мир индивидуальных значимостей и не усилившее личностную самоидентичность. Осознаваемая личностью высокая значимость Я-неизвестного превращает его в существенный потенциал развития ее Я. Незнаемыми могут быть аспекты Я-глубинного, Я-телесного, Я-означенного, Я-рефлексивного, Я-деятельного, Я-коллективного, Я-диалогического, Я-Абсолютного. Эти аспекты определяются как **ипостаси Я-неизвестного**:

1. Неизвестное Я-глубинное. От Я угаен изначальный субъект собственной жизни, ядро еще не реализованных возможностей, или, по выражению М.К. Мамардашвили, «тот, кто в темноте», «тот, кто может», «кого еще предстоит найти», «кто способен начать работу по преобразованию себя». Это потенциальная, упускаемая, «сокровенная», «потаенная» самость.

2. Неизвестное Я-телесное. Его представляют скрытые от Я свойства конституции, неосознаваемые переживания витальности, недоступная для самонаблюдения телесная динамика (мимика, жесты, движения, черты внешности, пластика тела). Я-субъект может не знать возможности и ограничения своего тела, те или иные грани своей привлекательности, оценки своего облика со стороны других людей, не улавливать возрастную динамику своей телесности, не открыть то, что все прошлое и настоящее нашей души, принадлежит нашему телу и имея в нем свой след, «находится в нашем владении», не видеть в своих телесных движениях и действиях потенциала полноты и многообразия своего соединения с миром и другими людьми.

3. Неизвестное Я-означенное. В осознанных содержаниях знака «Я» появляются зоны неопределенности и проблемности значения либо зоны неозначенности. Например, знак «Я» не приобретает рефлексивной связи с новыми признаками Я (это не Я, это другой, незнакомец, чужой, «не-Я»). Эти признаки могут отчуждаться в самосознании от Я, не участвуя в поддержании и дальнейшем становлении самоидентичности.

4. Неизвестное Я-рефлексивное. Это скрытый от личности и нереализуемый потенциал самопознания, рефлексии, неизвестный ресурс познавательного отношения к себе и поиска «нового себя», знание себя, неосознанное или забытое. Незнаемая возможность усиления своей субъектности и обновления самоидентичности путем конструктивной рефлексии, органично включенной в процессы деятельности и жизнеотношений.

5. Неизвестное Я-деятельное. В эту область неизвестности Я входят неосознаваемые объективные и субъективные условия и возможности собственной деятельности; скрытые от рефлексии способности или неспособности к деятельности; не представленные в самосознании мотивы, цели, знания и переживания, этапы построения, общая динамика деятельности и способы ее саморегуляции; не знаемые Я оценки деятельности другими людьми; неизвестные или непредсказуемые результаты, отсроченные влияния и последствия деятельности в мире.

6. Неизвестное Я-коллективное. Я может не знать многие аспекты своих отношений с другими людьми, в том числе собственную представленность в

самосознании и жизни многих других; те жизненные ситуации других людей, где Я присутствует в своей «отраженной субъектности»; свои вклады в сознание и деятельность окружения; свои влияния на представления, ценности и убеждения других людей; общее впечатление, производимое собственным присутствием и активностью на значимое окружение.

7. Неизвестное Я-диалогичное. Это незнаемый Я ресурс диалогичности в своем отношении к конкретному Другому, неосознанные моменты реального взаимодействия с Другим, неосознаваемая данность и активность Я во внутреннем мире Другого; незнаемая Я представленность и уровень значимости Другого в своем внутреннем мире, скрытое соотношение «инобытия» Я и Другого в душе друг друга и взаимное «инобытие» Я-субъекта и Я-объекта.

8. Неизвестное Я-Абсолютное. От Я может быть утаен внутренний доступ к истине, красоте, состраданию другим, вере, совести, внутренним истокам творчества — тому вечному, что постигается в единении индивидуального Я с Абсолютом. Я может не замечать и не помнить тех своих ситуаций и впечатлений, которые явились «знаками» вневременного и бесконечного в человеческой жизни. Для соединения с Я-Абсолютным личности необходимо достичь и преодолеть границы рефлексивного Я, и в этом плане данную ипостась Я-неизвестного можно обозначить вслед за В.А. Петровским как «трансгрессивное Я».

Я-неизвестное может выступать для Я как «доступное» или «недоступное» при оценке своих способностей к преодолению незнания себя. Кроме того, осознанное присутствие Я-неизвестного в самопознании может переживаться и осознаваться как «важное» или «неважное» для Я. Примечательно, что эти определения Я-неизвестного отличаются от собственно переживания незнаемого, выражающегося в суждениях типа «Я не знаю, зачем я живу». Они связаны с активным рефлексивным отношением личности к Я-неизвестному, за счет которого Я приобретает новые субъектные возможности в самопознании и самотворчестве.

Я-неизвестное в своих множественных ипостасях предположительно рефлексивируется в виде незнанных «черт», «качеств», «ситуативных характеристик» сознания, отношений или поведения личности. В случае неизвестной черты Я полагает, что является резервуаром тайн и загадок «себя», где можно найти новые основания для своего самотождества. В случае ситуативно появившегося Я-неизвестного, например, в «поточковых состояниях», у Я может возникнуть представление о своей «непредсказуемости», «непрозрачности», что означает процесс проблематизации «себя» как шаг к обновлению самотождественности Я-субъекта.

*Модель свойств Я, определяющих развитие Я-субъектности
(Старовойтенко, 2015, 2023)*

Существуя во многих ипостасях, активно реализуемых в отношениях к значимостям, Я приобретает и развивает **устойчивые свойства**, посредством которых познает, выражает и полагает себя в мире.

1) *Я имеет свойство предстоять себе*, быть неизвестной, неозначенной, непоименованной самостью. Я предчувствует в ней свои скрытые возможности, связывает с ней недоступность конечного понимания, почему именно так живет, относится, действует и почему именно это происходит в жизни. Посредством данного свойства Я целостно реагирует на спонтанные впечатления, уникально соединяющие его с собственным предназначением. Благодаря интуиции существования самости, можно признать наличие «немыслимого» в себе, предвидеть возможность быть «другим Я, чем Я есть», открыть, что наше Я, по словам М.К. Мамардашвили, «никогда не является тем, что мы о нем думаем». В процессе сознательной жизни, посредством рефлексии от имени Я мощь самости как предпосылки автономии и свободы личности переходит в силу Я – субъекта реализации этой предпосылки.

2) *Я обладает рефлексивностью*, определяемой П. Рикером в качестве способности к сознательному мысленному Я-опосредованию своего присутствия и активной позиции в мире, своего труда по интерпретации своих действий и самого себя. Это познавательно-эмоционально-смысловая включенность Я в свою духовную, телесную, психическую, деятельную жизнь и возвращение себе дифференцированного и обобщенного опыта своего участия в ней. В рефлексии Я открывает и проблематизирует себя, ставит и разрешает свои проблемы на основе соотнесения себя с другими людьми и расширения отношений с миром.

3) В рефлексии, поиске и преодолении незнания себя *Я приобретает идентичность* как свойство быть и знать себя подобным, «сродным» другим людям в своих качествах, жизненных состояниях и способах активности. Это свойство Я находить у других людей то, что характерно для самого себя; способность к воссозданию чувств, образов, идей о собственном Я и собственной жизни при осознании их пересечения с множеством других Я и других жизней; обретение нарративной идентичности на основе сравнения, отождествления истории своего жизненного пути с повествованиями, заимствованными у культуры, с героями и авторами культурных источников. Это такое внутреннее сравнение, соотнесение, слияние с другой личностью, что Я для себя становится иным, Другим, или, в формулировке П. Рикера, «как Другим». Имеют место не только сравнение самого себя с Другим, но еще и сознательная либо внесознательная импликация самого себя в качестве Другого.

4) *Я обладает свойством самотождественности* (совпадения с собой, непрерывности Я), состоящим в осознанном и спонтанном поддержании личностью постоянства «себя», несмотря на изменения Я, вызванные жизнью и собственными отношениями к ней. Совпадение Я с собой достигается путем инициирования, согласования, гармонизации и возвращения себе своих стремлений-смыслов-отношений-поступков и их отражений в мире. Самотождественности Я способствуют чувство неизменности своей самости, переживание телесной аутентичности в течение жизни, обращение других к Я как «той же самой личности» и приписывание ей другими одних и тех же качеств, а также рефлексия личностью своих противоречий и их разрешение в пользу сложившегося Я, воздержание от «плохих» для себя выборов, дей-

ственное осуществление своих устойчивых смыслов, держание «перед собой» идеи своего предназначения, своих целей и «проекта себя».

5) *Я имеет способность к сохранению себя*, развивающуюся на основе отношений к другим, ответственности перед другими, исполнения обязательств, обещаний и долга, сдерживания слова, осознания социальной результативности и продуктивности своей жизни, «присутствия» в других людях, рассказов о себе и образов своих портретов и автопортретов, практик владения своим телом и телесного взаимодействия с другими, символического осмысления и изображения себя. Основная ценность при сохранении себя — это отделение себя от Другого в опыте утверждения его суверенного бытия, а также отдачи, служения и посвящения ему.

6) *Я обладает свойством воплощать Абсолютное Я*. Это, во-первых, уникальное проживание Я вечно длящихся, повторяющихся в мире событий поиска и поклонения красоте, любви, добру, истине. Во-вторых, личное восхождение на предельные уровни присутствия, участия и действия в мире, для которых «нет никаких внешних гарантий» и необходимо «мужество невозможного» (М.К. Мамардашвили). В-третьих, отражение в единичном Я — «зеркале бесконечности» — множества других Я, что дает личности переживание сопричастности тому, что неизмеримо масштабнее ее.

7) *Я имманентны свойства фактичности и реальности*. Человеческий мир и Я связаны фактами и закономерностями своего предметного и телесного события, взаимной необходимости, создания и изменения друг друга. Реальность Я обусловлена тем, что, телесно и душевно живя в мире, оно дано самому себе «через других» как непрерывно возобновляемое соотнесение феноменов: «Я под взглядом других», «Я, видимый другими, под собственным взглядом», «Взгляд Я на других», «Взгляд других на мое присутствие», «Взгляд Я на себя в отсутствие других».

8) *Я имеет свойство быть основанием себя, или свойство самодетерминации*. Речь идет о фундаментальной способности Я-субъекта познавать, определять, проектировать себя и свою жизнь во временном континууме и различных пространствах человеческого бытия посредством самопознания и самостоятельного действия. Знание о себе приобретается и интегрируется при активном участии в собственной жизни, при погружении в Я-неизвестность, при смысловом и деятельном соединении ретроспективы, актуальности и перспективы жизни. Нельзя иметь «предварительное знание» о себе, помимо самодеятельности и рефлексии, непрерывно открывающих субъектность и авторство Я в жизни, которые направляют его к идеальной цели, к осознаваемому пределу саморазвития в мире ценностей, к смыслу превосхождения себя и вдохновляющему пониманию «наилучшего для моей жизни».

9) *Я присуще свойство быть телом* как уникальным пространственно-временным объектом среди других тел, как единичным фрагментом телесного опыта, «предельной точкой» обращения видимого мира, постоянной и изменчивой одновременно. Тело изменяется во времени, но одним и тем же остается то Я, которое осознает и называет это тело «только своим» и «Я-сам».

10) *Я обладает способностью самообозначения средствами языка*, может употреблять слово «Я» как личное местоимение, как культурный знак, в любой миг применимый как к себе, так и к иному референту. Этим референтом может быть Я другого человека или Я в качестве Другого. «Я» используется для обозначения всех личностей и каждый раз — одной-единственной. Знак «Я» применяется личностью как символ универсального автора всех сознательных жизней и уникальное имя индивидуального субъекта в его осознанном присутствии в неповторимый момент здесь-и-сейчас. Этот знак нужен личности, чтобы создавать и оберегать границы собственного, своего, сохранять себя в речи, деятельности и творчестве, а также разделять ставшее и новое Я. Будучи означенным, Я называет, именуется, аттестует, интерпретирует, идентифицирует, выражает и сохраняет себя, а также утверждает «яйность» других людей.

11) *Я характеризуется свойством, которое, по аналогии с известной идеей М.К. Мамардашвили о «необходимости себя», можно назвать необходимостью Другого*. Мира Я нет без него самого, но, чтобы появиться, быть и развиваться, Я нуждается в соединении с мирами других личностей. Связь Я с Другим устанавливается во внешнем пространстве встреч и отношений «между» ними, во внутренних мирах каждого из них и в мирах, где их жизнь протекает относительно независимо друг от друга. Развертывается процесс взаимных встреч, отражений, присутствий, влияний и дистанцирования, изменяющих Я и Другого. Это тот путь, где совершаются совместные или взаимно направленные действия, добывается знание о Я и Другом, приоткрываются Я-неизвестное и неизвестность Другого, возникают предчувствия и интуиции «моего другого Я», открывается и создается новый Другой-в-Я, рождается новое Я-в-Другом, укрепляется самоощущение Я-в-себе-с-Другим. Для другого человека Я личности может обладать высокой ценностью в силу того, что оно, по выражению М.К. Мамардашвили, занимает «уникальную точку», из которой видно и переживается то, что не видно и не переживается ни в какой иной точке. Этот избыток Я-видения Другого способствует его самопознанию, а также росту его значимости для Я, открывая новые возможности взаимодействия. При этом Другой должен предстать для Я автономной личностью, с которой можно вступить в подлинное отношение. При отсутствии отношения Другой потерян для Я как возможность совместного развития. Одновременно Я исчезает для Другого как источник обновления и обогащения его жизни. Через Другого Я познает факт единичности себя и величину своих границ: то, что в самом себе Я не может сравнить с Другим; что Я не может приписать и позаимствовать у Другого (включая тело, взгляд, текущие душевные состояния); что Другим не может быть отобрано у Я; что Я не может принять у Другого; что Я не может транслировать «от себя» Другому.

12) *В процессах укрепления и взаимопроникновения отношений к другим, к Другому и к себе формируется свойство диалогичности Я*. Диалог — это ситуация, в которой каждая личность устанавливает подлинное отношение к другому и к себе, способствуя их самоценности и аутентичности. Диалог — длящийся обмен чувствами и впечатлениями, представлениями и мыслями,

высказываниями и поступками, где личности могут взаимно реализовать ценности отношений: инициативу и ответственность, надежность и заботливость, помощь и верность слову, взаимное уважение и понимание другой личности в ее инаковости и единственности. Диалоги конституируются встречами, взаимодействием, согласованием, противоречиями, единением, усилением автономии. Диалог является условием раскрытия личностью своего безусловного бытийного равенства с Другим и собственной автономии. Вступить в диалог означает открыться к Другому и увидеть его встречную открытость, содействовать друг другу и уловить внутреннее взаимное присутствие, «вызвать себя» из потаенности в Другом, отстраниться от себя, найти и понять изменения Я, происшедшие в пространствах внешнего и внутреннего взаимодействия, убедиться в позитивных эффектах своей причастности к жизни Другого, открыть в Другом «место», где Я еще нет, но оно оставлено именно для него.

13) *В своем отношении к себе Я приобретает и проявляет свойство, которое можно обозначить как «возможность себя».* Это свойство воплощается в жизненном проекте личности, где соединяются ее осознанные смыслы и замыслы, желания и устремления, ожидания и надежды, образы воображения и фантазии, цели и программы деятельности, планируемые достижения и самоизменения. Источником, автором и адресатом этого проекта выступает Я, вставшее в рефлексивное отношение к себе-потенциальному и реализующее свои потенциалы в обновленном Я-сам.

14) *Я обладает свойством субъектности,* определяющим его высокую активность во всех видах жизнедеятельности и жизненных отношениях, включая отношение к себе. Субъектность в отношении к себе интегрирует многие другие свойства Я, включая телесность, фактичность, самоидентичность, рефлексивность, диалогичность, самодетерминацию, воплощение Абсолютного Я. Субъектность зарождается, набирает силу и укрепляется в этом дифференцированном единстве, стремится полно охватить собой Я личности, превращая ее жизнь в поступательный процесс достижения себя, умножения своих возможностей и творческого самоосуществления в бытии других. Иными словами, субъектность Я — становящаяся в личности *самопричинность* индивидуального бытия.

Модель Я как причины себя (Петровский, 2013, 2021)

Наше Я рассматривается обычно как субъективная образующая физической и психической жизни. Не сводя Я лишь к субъективному, мы отмечаем его нераздельность с объективным, ибо субъектность индивида выступает здесь в своей отраженности. Принято считать Я активным. Но и этот момент предусмотрен дефиницией Я: Я личности рассматривается как субъектная форма тождества отражаемого и отраженного. Тем самым подчеркивается самопричинность Я (ведь отраженность должна заключать в себе то, что существенно в отражаемом, а это в данном случае способность быть «причиной себя»).

Если Я есть форма существования субъектности личности, то каковы ее основные образующие и что могло бы придать ей характер *causa sui*?

Аристотелевская философия свободной причинности по отношению к психологии напоминает алгебраическое уравнение, характер которого предполагает четыре возможных решения — четыре «корня» в ответе на вопрос о психологической природе *causa sui*. Согласно принятым нами условиям, корни решения должны отвечать четырем аристотелевским причинам, и каждая должна обнаружить в себе возможность самовозврата, придающего ей значение «свободной причины».

В качестве искомым «корней» уравнения могут быть выделены четыре **ипостаси** индивидуального Я: Имманентное Я, или единство движущего и движущегося (Я как самодвижение); Идеальное Я, или единство представляющего и представляемого (Я как репрезентация себя самого); Трансцендентальное Я, или единство мыслящего и мыслимого (Я как мысль о себе); Трансфинитное Я, или единство переживающего и переживаемого (Я как переживание себя). Каждая из названных ипостасей реализует в себе, согласно нашему предположению, одну из четырех аристотелевских причин, и вместе с тем каждая могла бы быть возведена в ранг *causa sui*. «Я как переживание себя», «Я каков Я есть сам по себе», «Я как представление о себе», «Я как мысль о себе» в единстве друг с другом образуют то, что мы называем Я. И в этом единстве — его свобода, потенциал его субъектности.

Имманентному Я соответствует *causa sui* в значении «субстанциальной причины». Неуловимая, по всеобщему мнению, материя Я как бы соткана из мгновенных состояний Я, непрестанно обновляющихся во времени и в этой подвижности содержащих в себе нечто общее — «претерпевающее», что рефлексивируется в последующие моменты как Самость (строго говоря, Самость и есть то, что мысль признает в себе претерпевающим изменением). Имманентное Я существует, таким образом, в настоящем пространстве и времени жизни. Динамика неизменного и неизменность в динамике, свойственные Имманентному Я, со всей отчетливостью выражены в широко известных строках Б. Пастернака: «И нужно ни единой долькой / Не отступаться от лица, / Но быть живым, живым и только, / Живым и только — до конца». Имманентное Я есть Я становящееся, заключающее в себе единство жизненного возникновения и «прехождения».

Имманентное Я в момент своего рождения еще не переживается и также не выступает в виде какого-либо образа или мысли. Имманентное Я полнится импульсами, интуициями, помыслами и предчувствиями, но, прежде чем проявиться, они должны будут как бы объясниться друг с другом в некоей точке пространства и времени (в точке этой сейчас мы «застаем» Имманентное Я), а до этого акта всегда имплицитного синтеза нет ни импульсов, ни интуиций, ни помыслов, ни предчувствий. Вот почему Имманентное Я есть столь же и сокровенное Я человека.

Идеальному Я соответствует *causa sui* в значении «формальной причины». Идеальное Я существует в процессах самосозерцания. Представляя себя тем или иным образом, человек конструирует свой собственный образ в идеаль-

ном пространстве и времени, и в этом смысле всегда имеет дело с самим собой как существующим в возможности. Таков взгляд человека на свое физическое Я; здесь же содержится и образ себя как субъекта самонаблюдения; в Идеальном Я конструируется также образ себя как мыслящего («мыслящая вещь» Декарта); и, наконец, Идеальному Я принадлежат образы того, как человек переживает себя, — возможность длить свое бытие, воспринимать, мыслить, чувствовать. Детерминизм возможным — подлинный источник целеполагания и смыслополагания (в нашей трактовке «цель» есть образ возможного как прообраз действительного).

Трансцендентальному Я соответствует *causa sui* в значении «действующей причины». Таково наше мыслящее и вместе с тем мыслимое, вневременное и вневременное Я. Вневременность означает, что нечто находится (нахождение как процесс и результат обнаружения) там, где его как такового никогда не было; вневременность значит, что оно временно находится там, где мы его находим. Трансцендентальное Я, таким образом, существует в условном пространстве и времени. Мысль переживается сразу как что-то иное, чем переживание, воспринимается сразу как что-то иное, чем восприятие, и, будучи высказанной, означает что-то иное, чем само высказывание. Мысль как таковая вне-находима и вне-временна, ее чувственная запись — своего рода письменное послание нам — существует в пространстве и времени. Таким образом, она как бы удостоверяет свое собственное рождение. «Я мыслю» (*cogito*) означает, что мысль сама выдвигает представление о мыслимом и мыслящем, сама производит эти представления. Подлинным основанием мысли, ее источником является сама мысль с Я-субъектом в своем составе. Без мысли Я о своей мысли есть, может быть, все, о чем мы готовы подумать: наши ощущения и чувства, образы восприятия и памяти, наши фантазии, импульсы к действию, — нет лишь самой мысли (она возникает только тогда, когда мысль мыслит себя, «думу думает»). Мысль Я, мыслящая себя, и есть трансцендентальное Я. Именно оно ведет в за-пределье, будучи действующей причиной в составе *causa sui*. Осваиваясь в границах возможного, мысль с необходимостью трансцендирует их, или, что то же самое, постигая конечность, посягает на то, чтобы с нею покончить.

Трансфинитному Я соответствует *causa sui* в значении «целевой причины». Таково переживание безграничности своего существования в мире. Трансфинитность можно определить как присутствие актуально-бесконечного в сознании. В данном случае речь идет о полноте «присутствия» личности в мире. Это переживание ее сопринадлежности вечному (у Арсения Тарковского: «Зачем считать меня? / Я был, и есть, и буду»), переживание сквозь-пространственности (везде-бытие), переживание беспредельности наслаждения, любви, истины. Специфика мира переживаний состоит в том, что именно в нем существует несуществующее, обретает себя немислимое. «Немыслимость» не-существования мысли в любой точке пространства и времени — тоже переживание, благодаря чему не столько переживания существуют в пространстве и времени, сколько эти последние существуют для нас в наших переживаниях; переживания как бы обнимают собой мир. В отличие

от мысли как таковой, потенциально соотносимой с любой точкой пространства и времени и удостоверяющей себя в этом посредством «свободного выбора», переживание совершенно свободно от бремени выбора. Философия переживания — это философия «не-выбора» (зачем выбирать, если весь мир — мой, если альтернативы суть знаки друг друга?). Мысль, ставшая переживанием, не выбирает, где и когда ей быть, а просто есть в каждой точке пространства и времени. Переживания, таким образом, образуют совершенное пространство и время; в нем-то и пребывает наше Трансфинитное Я. Основу трансфинитности переживаний образует безусловность для нас того, что есть, или, иначе говоря, невозможность существования иного по отношению к данному (отрицание самой возможности отрицания того, что дано, переживается в этом случае как бесконечность явленного, как полнота его бытия). Трансфинитное Я как переживание актуальности бесконечного сбрасывает последнее в небытие, превращаясь в актуально-конечное Я, освобожденное (или *еще* свободное) от переживаний, мыслей и образов, но впоследствии с необходимостью воплощающееся в них. И, таким образом, круг *causa sui* оказывается замкнутым. Психологическая трактовка Трансфинитного Я, как видим, предполагает существенное развитие вундтовской категории переживания.

Часть 2. Феноменология субъектности Я (Петровский, 2013, 2021)

В чем состоит (и существует ли) своеобразие Я как причины себя («*causa sui*»)? Нет основания удивляться самопричинности Я как уникальному явлению, потому что всё, о чем мы могли бы сказать «причина», есть в конечном счете *причина себя* («свободная причина» у Г.В.Ф. Гегеля).

Связь между причиной и действием в своей истине, отмечал Гегель в «Науке логики», предполагает возвращение причины к себе через то, что выступает как ее действие и благодаря чему действие причины становится ее реакцией. Причина как бы возвращается к себе, выявляет свою зависимость от себя самой, — в конечном счете, определяет себя сама. Это и есть проявление того, что наша интуиция именуется «свободой»! Рождающуюся таким образом причину, свободную в том отношении, что она сама определяет себя через возвращающееся к ней самой действие, мы и называем «Я — причина себя», используя это выражение именно в указанном смысле.

Если признать подобное положение дел (а мы будем исходить из этого понимания), то Я, смешиваясь с другими сущностями, теряет своеобразие, ему, вероятно, свойственное, становясь в общий ряд с другими причинами. Между тем, улавливая культурные смыслы, запечатленные в слове «Я», мы хотели бы уберечь Я от унификации, защищая его уникальность как психологического феномена, точнее, феномена индивидуального сознания и самосознания. Мы говорим о том (и в этом состоит суть дела), что Я «не просто» причина себя, но являет собой **переживание самопричинности**.

В каких психологических феноменах обнаруживает себя Я как *causa sui*? Этот вопрос с самого начала направлял наше исследование самопричинности Я. При этом была важна для нас не только *мысль* об этом «предмете», но также —

живое ощущение-чувствование, составляющее достояние нашего опыта. Проживание, переживание собственной самопричинности составляет феноменологическую основу развития и укрепления **Я-субъектности**.

К сожалению, эмпирические разработки проблемы Я как *causa sui* пока существенно отстают от свидетельств сознания людей, персональных открытий, живущих в мировой культуре. Рассмотрим несколько примеров «персоналогической экспериментатики», имеющих гипотетический характер и направляющих планируемые, а также предпринимаемые сегодня эмпирические исследования.

Феномен неделимости Я в рефлексии

Речь здесь идет о естественной слитности (непрерывности, преемственности, континуальности) состояний Я. Континуальность совпадения Я с собой — норма его существования, непрерывность переходов «между» образующими его состояниями переживается как нечто вполне естественное, присущее самой природе Я. Но стоит только попытаться расщепить Я на две части — «Я здесь и теперь» и «Я там и тогда», — и мы сразу ощутим противоестественность такой попытки.

Сама жизнь и опыт интроспекции подсказывают нам сюжеты эксперимента. Вначале обратим внимание на то, что, говоря вслух какие-либо слова, мы еще некоторое время переживаем их присутствие в сознании; есть как бы неслышимое другими людьми эхо прозвучавшего слова, произнесенной нами фразы. Этот повтор неизменно сопровождает наши высказывания, и мы настолько привыкли к нему, что почти не замечаем его (одно из исключений — случаи, когда, положим, мы отважились сказать что-то группе людей, но, услышав нас, аудитория впадает в молчание, и нам начинает казаться, будто сказанные слова повисли в воздухе). Впрочем, приведенная аналогия с «эхо» должна быть существенно уточнена. Ведь внутренний отголосок сказанного вначале некоторое время все еще слит с высказыванием и постепенно отдаляется от него, стекая в прошлое. Это похоже на то, как акварельная краска, вначале следуя за кистью художника, тут же плывет вниз по листу на мольберте. Произносимое слово и скрытое запоминание слова образуют плавный переход одного в другое; внутреннее «эхо» представляет собой непрерывный каскад отзвуков, в котором совершается «утбк пережитого»⁴.

Но изменим условия наблюдения. Производимая тут же запись нашей речи с небольшой отсрочкой будет подаваться нам в наушник (так бывает, когда не совсем исправна мобильная связь). Люди, говорящие в микрофон перед большим залом, иногда слышат такие же отзвуки-эхо на удалении от себя. Прислушаемся тогда не только к этому эхо, но также и к своим ощущениям. Каждый, кто имел такой опыт, по-видимому, согласится, что даже малая отсрочка в повторе рождает чувство дискомфорта, как бы свидетельствующее: «Зачем мне дублер! К чему здесь этот двойник?!»

⁴ «...И тогда узнаешь вдруг, / Как звучит родное слово. / Ведь оно не смысл и звук, / А уток пережитого, / Колыбельная основа / наших радостей и мук» (Давид Самойлов).

Подчеркиваем: наше Я — неделимо! Нет смысла делить его на равные или неравные части. Оно всегда слитно с собой, всегда существует как тождество образующих его **со-стояний**.

Феномен спонтанности самораскрытия

Наше Я заключает в себе момент *самодействия* («Я создаю себя сам»); возможность ощущения своей самости в действии и ощущение этой возможности в саморефлексии, по сути, Я неразличимы: «Я иду по своим стопам», «Я следую за собой», «Я исхожу из себя самого», «Иду, “печаль свою сопровождая”» (Поль Верлен).

«*Поймай себя!*» Всем известная забавная сценка — собака, пытающаяся поймать себя за собственный хвост, — подсказывает нам модель эксперимента, показывающего, как люди, идущие «след в след» за собой, в отличие от «братьев наших меньших», неожиданно замечают это. Реквизиты эксперимента: компьютер, мышшь; затемненный экран монитора («ширма»); в ширме — круговое окошечко; управляя мышью, можно перемещать окошечко ширмы; двигая окошечко, можно увидеть в нем фрагмент линии, скрытой за ширмой (обычно это кривая).

Инструкция испытуемому: «Перемещая окошечко, попробуйте “поймать” линию — она находится за ширмой. Следуйте за линией, удерживайте ее в поле зрения. Пусть она все время будет в окошечке. Ошибкой считается потеря линии из виду. Работа требует аккуратности, но не забывайте о времени. Лучше, если Вы будете работать быстрее».

Как видим, инструкция не обязывает человека работать быстрее, но и не позволяет ему надолго застревать на месте. Чем уже окошечко и выше темп, тем труднее задача.

При этом испытуемому ничего не говорится о *форме* кривой и тем более о том, что ему надлежит *догадаться*, как выглядит в целом скрытая под ширмой кривая. Инициатива постановки такой задачи — всецело за испытуемым.

Главное, о чем не знают участники эксперимента: им заранее неизвестно, что кривую под ширмой *рисуют они сами*. Каждое перемещение мыши фиксируется на экране под ширмой на некотором (всегда одинаковом) расстоянии от окошечка. Пока испытуемый «ловит» линию, она буквально рождается у него под рукой — где-то в районе запястья (или чуть ближе к ладони, держащей мышшь).

Поймут ли участники эксперимента, что они сами производят то, что потом направляет их действие? Такое открытие, если оно происходит (а это так!), — свидетельство спонтанности самопереживания: *живое движение* руки образует *возможность* ощущения себя как самости, а совершаемое человеком спонтанное открытие «Я *следую за своим движением*» есть собственно ощущение себя, момент самораскрытия *Я как такового*.

«*Не думай о...*». Испытуемым предлагается «ни о чем не думать». При всей, казалось бы, невыполнимости этой задачи, у многих, как им представляется, *получается* (!). Выявляются два слоя активности: нерелексируемая мысль и мысль обнаруживаемая («Я *мыслю, что мыслю*»). Спонтанность «Я *мыслю*,

что мыслю» — неодолима; правда, это зависит от темпераментальных особенностей испытуемых — экстраверсии/интроверсии, эмоциональной стабильности, а также от возраста испытуемых — феномен неизбежности *cogito* свойствен юношескому возрасту.

Ощущение самоданности (феномен двойного присутствия)

О том, что Я есть *содержимое* объемлющей его формы и вместе с тем равная ему и заключающая его в себе *форма*, — об этом, конечно, мы можем узнать формальным путем, выводя сказанное из идеи Я как соощущения *всех* ощущений сущего, сопричастных друг другу. Действительно, если рассуждать чисто логически (приготовьтесь пройти кругами известного парадокса множества всех множеств!), Я является частью себя, ведь это соощущение *всех* ощущений и, следовательно, принадлежит себе как одно из своих ощущений. С другой стороны, будучи *со-ощущением*, Я объемлет себя, как целое, обнимающее свою часть; оно образует форму по отношению к себе как своему собственному наполнению. Но ведь нас интересует нечто большее, чем формальные следствия принятых определений. Мы хотим *непосредственно* пережить самоданность Я. Для этого необходимо создать условия, в которых «принадлежность себя себе» («несение себя в себе») есть факт сознания. Непосредственны, однако, только конкретные ощущения (и, соответственно соощущения); поэтому в эмпирическом плане мы имеем дело только с фрагментами «соощущения всех ощущений»; ощущение самоданности может быть схвачено нами (если, конечно, это удастся проделать) не в своей тотальности, а в некоторых частных формах, таких, например, как «телесное (физическое) Я», «внутренний наблюдатель», «субъект активности» и др. Кроме того, говоря о феномене самоданности, мы будем иметь в виду человеческого индивида, а не сущее *вообще* (применительно к любому сущему, мы не можем ставить перед собой этой задачи, так как анализ феномена «сознания себя» теряет для нас какой-либо смысл применительно к существам иной природы, чем человек). И здесь уже приходится на чувственном уровне иметь дело с парадоксом «двойного присутствия» — так мы его назовем. Суть парадокса — в том, что индивид смотрит на себя извне, находясь при этом внутри себя (внутреннее здесь существует как внешнее), и в то же время он видит себя изнутри в качестве смотрящего на себя извне (внешнее существует как внутреннее). А.М. Пятигорский по этому поводу сказал, что наша чувственность может рассматриваться как нечто, что наблюдается и наблюдает.

Эта парадоксальность, присущая самоданности, смущает ум человека и заключает в себе проблему. Как примириться с мыслью, что, находясь внутри, можно быть еще и снаружи того, в чем находишься?! Это озадачивающее нас положение вещей имеет место в *переживаниях* человека. Наша задача — воссоздать в условиях реальных и мысленных экспериментов обстоятельства, в которых человек именно *переживает*, чуть ли не «физически» ощущает, свое присутствие в двух мирах: внутри себя и снаружи, *по сю сторону и по ту сторону* себя самого.

Основу парадокса «двойного присутствия» образует, как мы полагаем, еще более парадоксальное положение дел, характерное для ощущения собственной самости у детей. В отличие от взрослых, которые видят себя *глазами* другого, дети на ранних этапах развития видят себя *в глазах* другого («Я существую в глазах взрослого»). Так, закрывая и открывая глаза в присутствии взрослых, трехлетний ребенок говорит о себе вслух: «Саши — нету, Саша — есть, Саши — нету, Саша — есть»... Пока ребенок видит, что его видят, он ощущает себя существующим.

Далее мы наблюдаем у взрослых «следы своего присутствия в глазах Другого». Подойдем вдвоем к зеркалу с правой и левой сторон. Убедимся в том, что мы не видим себя в зеркале, но встанем так, чтобы видеть друг друга (это очень легко). Теперь будем смотреть в зеркало так, чтобы видеть глаза другого, смотрящего нам в глаза. Если теперь каждый мысленно спросит себя, видит ли он себя в зеркале, то первый ответ будет «Да, вижу!», и только потом, спустя мгновение, взрослый человек скажет: «Нет, не вижу!» Таковы следы детского самовосприятия: «Меня видят, и я это вижу; следовательно, я вижу себя!» В той же ситуации мы можем предложить испытуемому поделиться первым впечатлением о том, что, по его мнению, чувствует другой человек: видит ли он себя в зеркале? Мгновенное ощущение: «Да, видит!» Ему *кажется*, будто другой человек видит себя, встречаясь с ним взглядом.

Затем в процессе развития человека ощущение «Я существую в глазах Другого» замещается ощущением «Я существую в своих собственных глазах»; позиция Другого, смотрящего со стороны, как говорят, интериоризируется, становится взглядом субъекта на себя самого. Появляется чувство присутствия себя внутри себя же, смотрящего со стороны. Рождается то, что характеризует Я как содержащееся в себе и содержащее себя. Чтобы «поймать» этот феномен, нам не понадобятся какие-либо специальные аксессуары. Взрослому человеку достаточно просто подойти к зеркалу, увидеть свое отражение и «пообщаться» с ним «с глазу на глаз». В этом случае, вполне непосредственно, можно почувствовать: «Это я нахожусь *перед собой*»; «Я — и внутри, и снаружи». Более того, смотрясь в зеркало, взрослый человек способен легко варьировать место своего ощущаемого присутствия между полюсами — по *сю* сторону зеркала (взгляд *отсюда*, «Я нахожусь *перед* зеркалом») и — по *ту* сторону зеркала (взгляд *оттуда*, «Я нахожусь *в* зеркале»). Он может спросить себя: «Кто видит?» Первый ответ: «Я, находящийся **в** зеркале, вижу себя, смотрящего **из** зеркала»; субъект и объект созерцания находятся **в** зеркале (по *ту* сторону зеркала). Второй ответ: «Я, смотрящий **из** зеркала, вижу себя, смотрящего **в** зеркало (и при этом находящегося по *сю* сторону зеркала).

*Феномен активной неадаптивности как продолженности в себе
несмотря ни на что*

Этот феномен заключается в контроле над будущим состоянием. Вся наша повседневная жизнь парадоксальна. Вспомним строчку из А.С. Грибоедова: «Шел в комнату — попал в другую». При этом может теряться ощущение

субъектности, контроля нашего Я над собой в своих начинаниях («Я сам опираюсь на себя и получаю то, что ожидаю»). Как его вернуть? В этом случае мы ставим перед собой цели, результат достижения которых предрешить нельзя. Так, например, мы бескорыстно рискуем. Не «за мзду», а чтобы ощутить само присутствие себя. Мы сами моделируем ситуации, в которых от нас ничего не зависит, и тем самым испытываем себя на прочность. Наше Я, таким образом, «продолжает себя в себе» — вопреки всему и несмотря ни на что. В этом случае мы говорим: «Человек поднимается над ситуацией».

Заключение

Обобщая представленные в статье результаты исследований двух ученых, находящихся в многолетнем творческом диалоге, подчеркнем следующее. Изложенные модели Я конституируют развитие самостоятельной области современной психологии личности — персонологии Я, расширяют и структурируют ее категориальный аппарат. Данные модели могут быть рассмотрены как единая концепция, раскрывающая Я в ряде взаимосвязанных аспектов. Это развитие Я в качестве субъекта и объекта собственной жизни и самопознания; множественность форм Я, проживаемых, познаваемых и обозначающих личностью; совпадение субъектности и объектности Я в актах достижения им самотождества; проблемность бытия Я-субъекта с точки зрения осознания собственной неизвестности для себя; обладание Я системой свойств, определяющих его устойчивость, определенность в познании, преобразовании и отношении к себе; бытие Я-субъекта как непрерывно эмпирически обогащающейся причины проживаемых и наблюдаемых Я феноменов самоощущения и самопереживания, самосозерцания и саморефлексии, самообозначения и самовыражения. Наконец, это усиление субъектности Я на основе, во-первых, расширения самобытия и самопричинности Я в мире, во-вторых, умножения ипостасей Я, охватывающих мир телесности, мир действия, мир других людей, мир культурных знаков, миры переживания и рефлексии, мир диалога с Другим, мир бессознательного и мир Абсолюта, в-третьих, укрепления сущностных свойств и самотождественности Я как источника самостоятельного действия, в-четвертых, открытости Я для приращения знания и незнания себя во внешней и внутренней жизни.

Суть работы состоит в «сборке», соединении, новом осмыслении авторами своих идей, относящихся к общему предмету исследований и освещающих его с глубиной, недоступной вне диалога. Обосновываются возможности достижения продуктивной диалогичности, творческой совместности, «креатив-партнерства» в теоретико-психологических исследованиях. Раскрывается значение научного диалога как искусства согласования взглядов исследователей в интересах познания личности.

Литература

- Зинченко, В. П. (2014). Философско-гуманитарные истоки психологии действия. *Вопросы философии*, 3, 73–84.
- Петровский, В. А. (2013). «Я» в персонологической перспективе. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ.
- Петровский, В. А. (2014). Я: конфигурации артефакта. *Культурно-историческая психология*, 10(1), 63–78.
- Петровский, В. А. (2021). *Человек над ситуацией* (2-е изд.). М.: Смысл.
- Старовойтенко, Е. Б. (2015). *Персонология: жизнь личности в культуре*. М.: Академический проект.
- Старовойтенко, Е. Б. (2023). *Общая персонология*. М.: Академический проект.

Ссылки на зарубежные источники см. в разделе *References*.

References

- Petrovskii, V. A. (2013). "Ya" v *personologicheskoi perspective* [Self in the personological perspective]. Moscow: HSE Publishing House.
- Petrovskii, V. A. (2014). Ya: konfiguratsii artefakta [Self: configurations of artefact]. *Kul'turno-istoricheskaya Psikhologiya*, 10(1), 63–78.
- Petrovskii, V. A. (2021). *Chelovek nad situatsiei* [A man above a situation] (2nd ed.). Moscow: Smysl.
- Starovoytenko, E. B. (2015). *Personologiya: zhizn' lichnosti v kul'ture* [Personology: life of personality in culture]. Moscow: Akademicheskii proekt.
- Starovoytenko, E. B. (2023). *Obshchaya personologiya* [General personology]. Moscow: Akademicheskii proekt.
- Zinchenko, V. P. (2014). Filososfsko-gumanitarnye istoki psikhologii deistviya [Phylosophical-humanitarian origins of the psychology of action]. *Voprosy Filosofii*, 3, 73–84.